

Оглавление

Предисловие. Несколько слов о контексте	9
Каких вы любите поэтов?	33
Большая Черемушкинская улица, 1969	35
Дом Мурузи, 1969	39
Лугано, 1969	51
Канун Нового года, 1970	57
На крыше Петропавловской крепости	76
Дворец Шварценберг, 1972	83
Энн-Арбор	98

Муза и адресат	122
Самый старый современный город	133
Стокгольм, 1987	161
День рождения в Нью-Йорке: 24 мая 1990 года	170
Музей Ахматовой, 2003	186
Книги издательства “Ардис” (1971–2002)	199

Poccy

Предисловие

Несколько слов о контексте

Мира, где Карл Проффер и я познакомились с Иосифом Бродским, давно нет, и по-настоящему знают его только дети “холодной войны”. Так что русским читателям, не знающим, как воспринимали то время молодые американцы, наверное, стоит сказать несколько слов о контексте данных мемуаров.

“Холодная война” начиналась, когда к концу подходила Вторая мировая война и военные и гражданские люди наблюдали, как Советский Союз подчиняет пограничные страны. Эти страны будут именоваться порабощенными или сателли-

тами — в зависимости от того, кто говорит. Ответом Соединенных Штатов на насильственную ассимиляцию этих стран были войны — наиболее масштабные в Корее и во Вьетнаме — и кровавые вмешательства в центрально- и южноамериканских странах. Советы оправдывали свои неприемлемые действия тем, что их огромной стране требуется защита от врагов в форме приграничных территорий. Америка оправдывала свои неприемлемые действия тем, что коммунизм ведет к тирании, и надо останавливать его везде, где он возникает. Это, конечно, очень упрощенное объяснение, но оно позволяет понять, почему в 1950-х и 1960-х годах между двумя великими ядерными державами установилась атмосфера взаимной подозрительности.

Россия присутствовала в повседневной жизни молодых американцев, и присутствие это было окрашено чувством страха. Мы прятались под столами в классе во время учебных тревог и знали, почему наши родители строят бомбоубежища. Нам снились бомбежки, и в нашем сознании Советский Союз был страной, которая подавила народные движения в Венгрии и Чехословакии. Вожди Советского Союза казались непостижимыми, и это рождало страх, что они под влиянием паранойи могут напасть на нас.

Когда наше поколение стало взрослым, его стало волновать постепенное втягивание Америки во вьетнамскую войну, где должны будут сражаться наши родственники, братья, чтобы непонятно как остановить коммунизм. Действовал призыв, и это заставляло молодых задуматься о характере разворачивающейся войны. Мы задумывались и пришли к выводу, что цена слишком высока.

Учитывая угрозу, какой виделся Советский Союз, можно предположить, что Карл и я решили изучать русский язык в соответствии с почетной традицией “познай врага своего”, но, как ни странно, двигало нами совсем не это: русскими исследованиями мы занялись из интереса к одной из великих мировых литератур. К ней мы пришли разными путями, но отозвалась она в нас одинаково. Эта литература, глубокая, богатая и мощная, стала для нас откровением после английской и французской, которые только и были нам знакомы. В девятнадцатом веке крестьянская, по большей части неграмотная, страна родила Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского и Чехова. За этим Золотым веком последовал трагический для России двадцатый век, когда война, революция, Гражданская война и тирания почти разрушили целую куль-

туру. Чудо — что не до конца. Это была сильная литература, и мы были люди сильных эмоций.

Хотя Карл Рей Проффер родился в 1938 году, а я в 1944-м и выросли мы в разных частях страны, в наших биографиях было одно общее: никаких признаков того, что дальнейшая наша жизнь будет посвящена русской литературе.

Родители Карла Рея Проффера не закончили средней школы и, тем не менее, преуспели. Карл поступил в Мичиганский университет в Энн-Арборе, намереваясь стать баскетболистом или, если не получится, юристом. На первом курсе ему надо было выбрать иностранный язык; Карл посмотрел на доску со списком языков и впервые увидел русский алфавит. Он сказал себе: “Какой интересный алфавит”. Особенно привлекла его буква “ж”, похожая на бабочку. Эта красивая буква и побудила его выбрать русский, что, в свою очередь, побудило записаться на курсы по русской литературе. До тех пор Карл читал очень мало какой бы то ни было литературы, а теперь встретился с писателями русского Золотого века. Человек с превосходным умом, исключительной памятью и логическими способностями, он,

наверное, должен был бы стать юристом — но влюбился в русскую литературу. Это было неожиданностью для всех вокруг, и родители беспокоились: много ли можно достичь в такой бесперспективной области? Он решил писать диссертацию о Гоголе.

В 1962 году Карл впервые посетил Советский Союз, и путешествие было не особенно приятным: немногие русские, с кем ему было позволено общаться, по большей части были из тех, кто присматривал за иностранцами. Однако он смог поехать по стране и основательно поработать над Гоголем. В молодом своем возрасте он был уже превосходным преподавателем, переводчиком и исследователем. Главными его темами — и оказавшими наибольшее влияние на него — были Пушкин, Гоголь и Набоков.

В отличие от Карла, я выросла в читающей семье, хотя никто в ней особенно не интересовался иностранными языками. Первым моим русским знакомством был Достоевский — “Преступление и наказание” я прочла в тринадцать лет. Я сознавала, что не до конца поняла роман, но силу его почувствовала. В пятнадцать лет учитель математики, выучив-

ший русский язык в армии, дал мне сборник стихов Маяковского в английском переводе; особенно сильное впечатление на меня произвела “Флейта-позвоночник”. (Конечно, я вообразить не могла, что когда-нибудь познакомлюсь с Лилей Брик, которой была посвящена поэма.)

В колледже я специализировалась по французскому и русскому и поступила в магистратуру Индианского университета. В первый год магистратуры я прочла “Мастера и Маргариту” и сразу поняла, что сосредоточусь в работе на этом романе.

С Карлом Проффером я познакомилась в том же году, 1966-м, на его скандально знаменитой лекции о “Лолите” (цитаты сексуального характера шокировали дам-эмигранток и вызывали оживление среди аспирантов). Он недавно стал профессором Индианского университета и писал свою вторую книгу “Ключи к «Лолите»”. За два года мы успели влюбиться друг в друга, разойтись с нашими партнерами и пожениться.

В январе 1969 года мы поехали по научному обмену в Москву. По дороге мы остановились в Нью-Йорке, и у нас состоялось несколько важных встреч в манхэттенских барах. В первом с нами встретился Глеб Струве, знаменитый ли-

тературовед из эмигрантов, и объявил, что мы должны отказаться от поездки, потому что в прошлом году Советы ввели танки в Чехословакию: на его взгляд, даже посещение Советского Союза было бы аморальным. Но нашего решения ничто не могло изменить. Мы устали от ожесточения “холодной войны”, мы хотели увидеть Советский Союз и сделать собственные выводы. Мы не могли гордиться своей страной, где шла такая тяжелая борьба за гражданские права афроамериканцев и считалось возможным бомбить мирных жителей Камбоджи и Вьетнама. Это заставляло усомниться в наших позициях в “холодной войне”. Мы хотели больше узнать о Советском Союзе.

Сами по себе мы определенно не получили бы доступа в круг советской интеллигенции. Карлу был всего тридцать один год, и русские литературоведы в то время ничего о нем не знали. А мне было двадцать пять — аспирантка, пишущая диссертацию о Булгакове. У нас был один козырь, но замечательный — рекомендательное письмо, полученное во втором баре в Манхэттене, от литературоведа Кларенса Брауна к Надежде Яковлевне Мандельштам, знаменитой мемуаристке и вдове Осипа Мандельштама. Это она позвонила Елене Сергеевне Булгаковой,